

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Studies
St. Petersburg Branch

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

I. T. KANEVA

THE SUMERIAN LANGUAGE

И. Т. КАНЕВА

ШУМЕРСКИЙ ЯЗЫК

St. Petersburg
1996

Санкт-Петербург
1996

ББК Ш175.25—2
Ш175.25—7

Утверждено к печати Ученым советом СПбФ ИВ РАН

Ответственный редактор *И. М. Дьяконов*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда.
Проект № 9604—16074

И. Т. Канева. Шумерский язык. — СПб.: Центр «Петербургское Восто-
К 19 коведение», 1996. — 224 с. (Серия «Orientalia»).

Монография представляет собой грамматику шумерского языка, древнейшего и наиболее архаичного из всех известных письменных языков. Шумерский язык принадлежит к языкам агглютинативного типа, ему свойственна эргативная конструкция предложения. Генетическое родство шумерского с каким-либо другим языком мира не установлено.

Работа основана на материале письменных памятников, происходящих из трех основных периодов в истории развития шумерского языка (старо-, ново- и позднешумерского), охватывающих промежуток времени приблизительно от 2500 г. до н. э. до 1800 г. до н. э. Корпус памятников включает тексты разнообразного содержания: мифы, эпос, гимны, царские надписи, молитвы, хозяйственные и юридические тексты, деловую переписку.

В исследовании рассмотрены место и время распространения языка, история его открытия, дешифровки и изучения, характер письменности, используемой для записи шумерских текстов, фонетика, морфология. Автором учтена вся новейшая шумерологическая литература.

В приложениях приводятся транслитерация, аналитическая транскрипция, перевод и комментарий отрывков текстов, а также список цитированных шумерских слов.

Работа предназначена для филологов — специалистов по Древнему Востоку и для лингвистов — теоретиков широкого профиля.

ББК Ш175.25—2
Ш175.25—7

Перепечатка данного сборника, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов сборника возможно исключительно с ведома издательства.

Исключительное право на распространение данной книги в России и за ее пределами принадлежит Центру «Петербургское Востоковедение».

ISBN 5-85803-028-9

© Центр «Петербургское Востоковедение», 1996
© Санкт-Петербургский филиал Института
востоковедения РАН, 1996

Зарегистрированная торговая марка

ORIENTALIA® Зарегистрированная
торговая марка

*Осуществление этой работы стало возможным
благодаря долголетней работе автора в Институте востоковедения
Российской Академии наук под руководством И. М. Дьяконова,
которому автор приносит глубочайшую благодарность.*

*Автор признателен также своим коллегам
канд. филолог. наук И. М. Дунаевской, док. филолог. наук В. А. Лившицу,
док. ист. наук В. А. Якобсону, канд. филолог. наук Г. Х. Каплан,
А. С. Четверухину, взявшим на себя труд прочесть рукопись
и сделать ряд полезных замечаний.*

*Особую благодарность автор выражает профессору
доктору Кук Вончан (Сунсин университет, Сеул, Южная Корея)
за оказанную им финансовую помощь при подготовке книги к печати.*

ВВЕДЕНИЕ

Общие сведения

Шумерский язык — язык народа, некогда населявшего территорию долины рек Тигра и Евфрата. Южная граница распространения шумерского языка доходила до берегов Персидского залива, северная — до широты современного Багдада. Был ли шумерский как живой язык распространен севернее этой границы и когда, установить трудно. Кроме того, он, видимо, изучался в школах Северной Месопотамии, Элама (юго-запад современного Ирана), Малой Азии и Северной Сирии — всюду, где для местных языков использовалась клинописная система письма. Шумерский служил языком деловых документов в городах Мари (на среднем Евфрате, около современного города Абу-Кемаль в Сирии) и Эбла (городище Телль-Мардих в Сирии); такое его употребление, вероятно, имело место и в других городах, но пока не подтверждено памятниками.

Шумеры, скорее всего, не были первыми поселенцами центрального и южного Двуречья. Исследование топонимики и ономастики, содержащихся в шумерских текстах, позволило высказать предположение о существовании двух языковых пластов, предшествовавших шумерскому и названных протоевфратским и прототигридским. Пласт протоевфратской лексики устанавливается очень ненадежно, тогда как пласт прототигридский вырисовывается более определенно. Его прослеживают в топонимике и ономастике северного и южного Двуречья. Иногда прототигридский язык называют банановым, что связано с характерной для данного языка структурой некоторых имен собственных, напоминающей английское слово *banana* 'банан', например Бунене, Кубаба, Забаба, Билулу и др.

Высказывается предположение, что на территории Южного Двуречья шумеры появились не позднее IV тыс. до н. э. Откуда они пришли, до сих пор неизвестно. Сами шумеры древнейшим своим поселением считали город Эреду (современное городище Абу-Шахрайн), находившийся в древности на берегу Персидского залива, который в дальнейшем далеко от него отступил. Местом появления человечества шумеры считали страну Дильмун, соответствующую современным островам Бахрейн в Персидском заливе. Археологические данные позволяют проследить связи шумеров с территорией древнего Элама, а также с культурами северного Двуречья.

Генетическое родство шумерского с каким-либо другим языком мира установить не удастся. Труднопреодолимым препятствием на этом пути является отсутствие данных о реальном фонетическом облике шумерских слов. Реконструкция произношения шумерских слов, принятая в современной науке, основывается на данных шумеро-аккадских словарей, составленных аккадскими писцами, то есть восточными семитами, жившими рядом с шумерами и заимствовавшими у них клинопись. Таким образом, речь идет о передаче шумерской фонетики средствами аккадской.

Картина аккадской фонетики в свою очередь, неточна, поскольку для ее фиксации использовалась клинопись, изобретенная для шумерского. Кроме того, клинопись вообще не обладала достаточным набором средств для точной передачи звуков.

Древнейшие шумерские письменные памятники датируются рубежом IV—III тыс. до н. э. (3100—2800 гг. до н. э.). Полагают, что около 2000 г. до н. э. шумерский разговорный вытесняется аккадским, но письменный шумерский продолжает оставаться официальным языком школы, храма, канцелярии. В дальнейшем, в течение старовавилонского периода (2000—1800 гг. до н. э.), шумерский письменный постепенно заменяется аккадским, однако изучение шумерского продолжалось, по крайней мере, вплоть до II в. до н. э. Со временем шумерский язык был окончательно забыт. У античных авторов о Шумере и шумерах никаких сведений нет. Лишь после дешифровки шумерского языка в конце XIX в. со страной Шумер стали связывать встречающееся в Библии [Быт. 10 : 10, 14 : 1] название страны *Šin'ār*.

Открытие шумерского языка связано с изучением аккадской клинописи. В процессе дешифровки аккадского языка (сер. XIX в.) выяснилось, что некоторые части текстов не поддаются чтению. Кроме того, имелись дубликаты текстов, в которых одно и то же слово писалось по-разному: то несколькими знаками, то одним. Стало возможно предположить существование идеограмм (логограмм) как способа обозначения понятия или слова одним знаком. К тому же оказалось, что аккадское словесное чтение таких знаков не совпадало с их собственным слоговым чтением. Это слоговое чтение и было отнесено к другому, более древнему языку, на котором, возможно, была написана часть текстов, до той поры вообще не поддававшихся дешифровке.

Первым такое предположение высказал ирландский ученый Хинкс. Принадлежность идеограмм другому языку подтверждали и обнаруженные в аккадских текстах случаи, когда после знака-идеограммы стоял знак, передающий последний слог скрытого идеограммой аккадского слова, т. е. фонетический комплемент, например *KI^{tim} = ersetim^{tim}* 'земли' (родительный падеж), *KUR^u = šadū^u* 'гора', *TUŠ^{ab} = uššab^{ab}* 'он сидит'.

Раскрытие шумерского языка способствовали найденные при раскопках двуязычные тексты (в них после каждой строки, написанной по-аккадски, следовала строка на неведомом языке), а также тексты, которые можно назвать словарями.

Выделяются два типа таких словарей, условно названные словарями типа А и типа Б. В словарях типа А аккадскому слову соответствует шумерское слово; словари типа Б содержат идеограмму, ее шумерское произношение и аккадский перевод (подробнее об этом см. ниже на стр. 16–17).

Расшифровка шумерского языка продвигалась очень медленно. На первых этапах работы высказывались даже сомнения в том, что это язык в собственном смысле слова, кое-кто полагал, что он представляет собой аккадскую тайнопись. Доказательству самостоятельного характера шумерского языка в конце XIX в. была посвящена целая книга — F. H. Weissbach. *Die sumerische Frage* (Leipzig, 1898).

Вновь открытый язык не сразу получил название шумерского. Сначала его называли аккадским, поскольку сам аккадский в то время именовали ассиро-вавилонским или вавилоно-ассирийским. Лишь в дальнейшем было установлено, что вавилоняне и ассирийцы называли свой язык аккадским (*lišān 'Akkadī'*), и это название было принято в научной литературе.

На основании титула вавилонских царей *šar Šumeri u Akkadī* 'царь Шумера и Аккада' язык, ранее называвшийся аккадским, стали называть шумерским. Слова «Шумер» и «Аккад» являются аккадскими. Шумером аккадцы называли центральную и южную часть Двуречья, Аккадом — северную часть Двуречья по имени столицы государства.

По-шумерски центральная и южная части Двуречья назывались *Ki-en-gi*, северная — *Ki-uri*. Свой язык шумеры называли *eme-gir₁₅(KU)*, где *eme* 'язык', значение *gir₁₅* точно не установлено, возможно, 'благородный'.

Исследователи полагают, что первоначально *Ki-en-gi* было названием поселения, расположенного около города Ниппура (совр. Ниффер), в котором находился Экур — храм общешумерского бога Энлиля. В дальнейшем название *Ki-en-gi* распространилось на центральную и южную части Двуречья.

Впервые название *Ki-en-gi* засвидетельствовано в надписи царя города Урука Эншакушанна (ок. 2450 г. до н. э.): *En-šà-kuš-an-ri[a] en-Ki-en-gi lugal-kalam-ma* [Steible 1982, II, Eпšak. 1, 3–5] 'Эншакушанна, владыка Киэнги, царь страны (т. е. Шумера)'. Название 'Шумер' (*šu-me-ru-u*) впервые встречается при Римуше (XXIII в. до н. э.).

По мнению Фалькенштейна [Falkenstein 1959a, 14–15], аккадское название *Šumeru* воспроизводит шумерское *Ki-en-gi(-r)*, вернее, диалектную форму этого названия. Из-за отсутствия достаточно убедительных свидетельств диалектного перехода *k > š* Дьяконов [1967a, 37, примеч. 1] предлагает рассматривать написание *Ki-en-gi* как составную идеограмму *KI.EN.GI* с чтением *Šumer*.

Что касается этимологии названия *Ki-en-gi*, то единого мнения по этому поводу нет. Так, например, Вестенхольц [Westenholz 1979, 118] возводит его к *Ki-eme-gir₁₅*, где *ki* 'место', 'земля' т. е. 'земля шумерского языка'; Рёмер [Römer 1982, 7] предлагает иное толкование: *ki* 'место', *eĝi* 'князь'.

Шумеры не имели общего самоназвания. Существовали названия отдельных групп населения по месту жительства, например «люди/человек города Ура», «люди/человек города Лагаша». Все жители Двуречья, шумеры и аккадцы, называли себя *sag-gig* 'черноголовые' = акк. *šalmāt kaḳkadim*. Противопоставляя свою землю территориям, населенным иноязычными народами, они называли ее *kalam* 'страна', а чужую — *kur* 'гора', '(чужая) страна'.

Первая грамматика шумерского языка, который специалисты еще называли аккадским, была написана Ленорманом [Lenormant 1873]. Затем последовали грамматики Лэнгдона [Langdon 1911] и Делича [Delitzsch 1914]. К настоящему времени они устарели.

Наибольшие заслуги в исследовании шумерского языка в начале XX в. несомненно принадлежат Тьюро-Данжену. Сделанные им блестящие переводы шумерских и аккадских царских надписей, изданные в книге «*Les inscriptions de Sumer et d'Accad*» (Paris, 1905), свидетельствуют о том, что основные принципы грамматического строя шумерского были поняты им правильно.

Первая подлинно научная грамматика шумерского, не утратившая своей ценности до сих пор, принадлежит Пёбелю [Pöbel GSG]. Эта работа основана на обширных материалах царских надписей старошумерского и двуязычных текстов позднешумерского периодов. Пёбель впервые отметил одну из наиболее важных особенностей грамматического строя шумерского — наличие двух падежей для выражения субъекта в зависимости от переходности или непереходности глагола (о терминах «переходный» и «непереходный» применительно к шумерскому глаголу, см. ниже).

В 1924 году опубликовал свою грамматику Даймель [Deimel 1924]. В настоящее время она во многом устарела.

Следующей работой, значительно продвинувшей исследование строя шумерского языка, была двухтомная грамматика Фалькенштейна [Falkenstein GSGL I–II]. Обширный и разнообразный репертуар грамматических форм, предоставленный новошумерскими текстами Гудеа (характерной особенностью памятников новошумерского периода является довольно последовательное обозначение грамматических формантов), позволил Фалькенштейну сделать много новых ценных наблюдений. Грамматики Пёбеля и Фалькенштейна, а также их статьи, посвященные отдельным проблемам шумерологии, заложили основы научного изучения шумерского.

В 1957 г. была опубликована книга Кристиана: V. Christian. *Beiträge zur sumerischen Grammatik* (Wien). В ней автор подверг критике все существовавшие тогда грамматики шумерского и высказал собственную точку зрения на ряд проблем. Можно заметить, что далеко не все выводы Кристиана являются бесспорными.

Исследованию языка царских надписей позднешумерского периода посвящена грамматика Кярки: [Kärki 1967]. В толковании грамматических форм автор всюду следует выводам Фалькенштейна.

Последняя из известных нам грамматик принадлежит датскому ученому Марию-Луизе Томсен [Thomsen 1984]. В этой работе, как и

в грамматике Фалькенштейна, использованы главным образом материалы текстов правителя города Лагаша Гудеа (новошумерский период). Выбор именно этих текстов автор объясняет тем, что они значительны по объему, в них достаточно последовательно соблюдаются грамматические нормы и слабо ощущается влияние аккадского (хотя шумерский к этому времени перестает быть разговорным).

Томсен детально описывает структуру и функции грамматических форм шумерского, привлекая все новейшие исследования в этой области. По каждому разделу грамматики ею приводится подробная библиография. Книга Томсен является ценным и чрезвычайно полезным исследованием.

Помимо перечисленных грамматик имеется также несколько кратких грамматических очерков Жестена [Jestin 1951], Фалькенштейна [1959a], Рёмера [1982].

Значительное число работ посвящено исследованию отдельных грамматических категорий и форм. Основное внимание привлекал и продолжает привлекать глагол, составляющий ядро шумерского предложения: в спрягаемой или финитной глагольной форме могли находить отражение в виде специальных формантов субъектно-объектные и пространственные отношения, представленные в предложении.

Из наиболее важных исследований по частным вопросам здесь нужно упомянуть работы Фалькенштейна [1939, 1942, 1944, 1959b]; Жестена [1943, 1946]; Солльберже [Sollberger 1952]; Якобсена [Jacobsen 1965, 1988]; Эдзарда [Edzard 1971, 1972, 1976a]; Грэгга (Gragg 1973); Иосикавы [Yoshikawa 1968a, б, 1974а, 1977а, 1978, 1979, 1981, 1993]; Постгейта [Postgate 1974]; Крехера [Krecher 1978, 1985, 1993]; Вильке [Wilcke 1988, 1990].

Начало исследования шумерского языка в России связано с именем М. В. Никольского, который самостоятельно изучил его и издал шумерские хозяйственные документы из коллекции Н. П. Лихачева [Ник. 1908, 1915]. В этих работах даны фотографии, автографии¹, транслитерация, перевод или пересказ содержания многих публикуемых текстов.

Изданием шумерских текстов занимался также ассириолог В. К. Шилейко [1915, 1917, 1921], изучавший шумерский язык у М. В. Никольского. В его работах содержатся автографии, фотографии, транслитерация и перевод публикуемых текстов. Старовавилонские юридические и административные документы, хранящиеся в собраниях СССР, были изданы А. П. Рифтиным [Рифтин 1937б].

Первые работы по шумерской грамматике в нашей стране принадлежат А. П. Рифтину [1927, 1946]. Сохранилась запись курса лекций по шумерскому языку, прочитанного А. П. Рифтиным на Восточном факультете ЛГУ в 1935/36 учебном году, сделанная И. М. Дьяконовым. Материалы этих лекций использованы в предлагаемой работе.

Отдельным вопросам грамматики шумерского языка посвящены статьи акад. В. В. Струве. В его работах затрагивалась одна из сложней-

¹ Автография — воспроизведение письменных знаков подлинника копировщиком.

ших проблем шумерской грамматики — определение значения глагольных графиков *ти-* и *е-* и проблема категории вида [1957, 1962, 1964].

Много нового в изучение грамматической структуры шумерского внес И. М. Дьяконов. В 1967 году им был издан первый на русском языке сводный грамматический очерк шумерского [1967а]. Расширенный и дополненный вариант очерка опубликован в 3-м томе серии «Языки Азии и Африки» [М., 1979, 7—36]. Кроме того, им написан ряд статей по отдельным проблемам шумерской грамматики: об эргативной конструкции предложения [1967б], о системе письма [1976], о числительных [1983].

Отдельные вопросы шумерской грамматики разрабатывались автором предлагаемой работы [1966, 1978, 1979, 1991].

Письменность²

Опираясь на исследования специалиста по изучению возникновения и развития письма И. Гельба, можно считать, что система собственно письма возникла впервые на Древнем Востоке, причем древнейшей из них является шумерская, появившаяся в начале III тыс. до н. э. и просуществовавшая в видоизмененном виде до I века н. э.; она к тому же дает достаточный материал для реконструкции самых древних ее ступеней и для установления ее влияния на возникновение и развитие других письменностей (подробнее см.: Гельб. Опыт изучения письма. М., 1982. С. 68—78).

Если не считать попыток времени неолита (передачи мыслей на расстоянии и во времени с помощью рисунков, объемных фигурок и т. д.), первым приближением к письменности у шумеров была пиктография; она же и явилась зачатком собственно письменности у шумеров.

Пиктография отличается от собственно письменности не только применением рисунков там, где письменность использует условные знаки, но и прежде всего тем, что она ставит себе целью только передачу общего смысла сообщения, но не самого сообщения в его речевой форме. В то же время пиктография приближается к письму, так как она содержит вполне определенный набор знаков и применение рисунков произвольных не допускается.

Каждый знак являл собой идеограмму, так как задавал не произношение какого-либо отдельного слова или его отрезка, но указывал на употребление любого слова в пределах определенного семантического поля; выбор словесных значений был ограничен только семантическим полем соседнего знака. Так, например, рисунок СТОПА передавал семантическое поле, включавшее понятия 'идти', 'ходить', 'стоять', 'приносить'. Однако он не включал семантику 'ноги', 'подошвы', для чего

² Разделы «Письменность» и «Фонетика» написаны по материалам И. М. Дьяконова.

существовали уже другие знаки: НОГА и ПОДОШВА. Этим определяется поливалентность любого знака.

И в дальнейшем развитии шумерской письменности каждый знак был связан не со звучанием, а с семантикой. Поэтому омонимы (слова различного значения, но одинакового звучания), которых в шумерском было чрезвычайно много, писались разными знаками (омофонами), а слова разного звучания, но входящие в одно семантическое поле, писались одним и тем же значком.

Уже на стадии развития пиктографии было ясно, что рисунки можно подобрать не ко всем значениям. Поэтому пользовались дополнительным приемом, сохранившимся в течение всего времени существования шумерской письменности: а именно, для передачи понятия, не имеющего своего рисунка, а особенно для служебных слов, употребляли знак для слова-омонима (одинаково звучащего, но иного по значению), например для /gi/ 'возвращать' писали знак 'тростник' со звучанием /gi/ (принцип ребуса). Подчеркнем, что особых специально слоговых знаков в шумерской письменности нет, а есть лишь ребусное употребление обыкновенных словесных знаков (идеограмм). Эти знаки в ребусном употреблении могут помочь отождествлению соседней идеограммы, например знак *AN* 'небеса' читается *an-na* (*an-a*) 'на небесах' или *dingir-ra-ni* (*dingir-ani*) 'его бог' — в зависимости от соседнего ребусного знака.

Этот же прием ребуса стали постепенно использовать для передачи грамматических морфем, например *gab* 'грудь', родительный падеж *gab-ba* < *gab-a(k)*, где *ba* идеограмма для 'кучи', чтение /ba/; *mu-na-ni-du* 'сюда-для него-там-построил', где *du* идеограмма для 'колышка', чтение (*dá*), и для 'строить', чтение (*dù*), *ni* идеограмма для 'сосуда с маслом', *na* идеограмма для 'гири' и т. п.

Следует учитывать правило, согласно которому гласная суффиксируемая морфема пишется знаком, чтение которого включает последний согласный основы: *gab-ba* 'груди', читать /gaba/; *lál-la* 'меда', читать /lala/; *gar-ra* 'поставленный', читать /gara/.

На стадии пиктографии (IV—первая пол. III тыс. до н. э.) грамматические морфемы вообще не передавались (не соблюдался также и синтаксис речи): это не делало текст вовсе непонятным, поскольку записывались по большей части хозяйственные акты: «столько-то того-то получено/выдано», иногда прибавлялось звание выдающего или получателя. С усложнением текстов стали вводить постепенно ребусные обозначения сначала лишь некоторых морфем, особо важных для смысла сообщения. Лишь с 2500 г. до н. э. стало возможным передавать, как правило, все главнейшие грамматические морфемы; однако и тут, когда писец считал, что «и так понятно», часть морфем могла опускаться. Лишь в новошумерский период, примерно с 2200 г. до н. э., и особенно в послешумерский период, когда язык сохраняется только как письменный, шумерский письменный текст почти полностью воспроизводит речевой поток. Но даже и тогда (так же как во все более ранние периоды) обозначение носовых согласных в инлауте и ауслауте остается факультативным.

Периодизация источников

В истории шумерского языка, охватывающей около трех тысяч лет, по характеру письма, языка и орфографии письменных памятников выделяются следующие периоды (см. таблицу).

Период в истории развития языка	Исторический период	Статус языка	Письменные памятники
1	2	3	4
архаический стадия пиктографии, грамматические морфемы не получают графического выражения. Порядок знаков на письме не соответствует порядку их чтения	Протописьменный (3000—2750 гг. до н. э.)	разговорный и официальный язык	хозяйственные, юридические (?), школьные тексты
старошумерский наблюдается графическая передача ряда важнейших грамматических морфем. До правления Заннатума (2400 г. до н. э.) порядок знаков на письме не всегда соответствует порядку их чтения	Раннединастический период 2750—2315 гг. до н. э.	разговорный и официальный	хозяйственные, юридические, строительные, посвященные тексты из Лагаша, Ниппура, Ура, Урука, Алаба, Эшнунны, Фары, Киша, из области реки Диялы. Отдельные литературные тексты из Абу-Салабиha и Фары.
переходный период	первые деспотии в Двуречье. Династия Аккада 2315—2200 гг. до н. э.	разговорный и официальный (наряду с аккадским)	хозяйственные документы и царские надписи (последние часто составляются на двух языках)
новошумерский письменный текст передает почти все грамматические морфемы и приближается к воспроизведению речевого потока	II династия Лагаша 2136—2104 гг. до н. э. III династия Ура 2100—2000 гг. до н. э.	официальный язык школы, храма, канцелярии. Момент вымирания живого языка неясен	надписи Гудеа и других правителей II династии Лагаша, хозяйственные тексты многочисленные хозяйственные тексты, юридические тексты, законы Шульги, деловые письма, царские надписи (мало и они стерео-

